

“Я не жалею о том, что на базаре чечевицей торговал”

Илья Лагутенко — Газете

Группа «Мумий Тролль» не выпускала пластинок полтора года. Если вспомнить, что семь лет назад она дебютировала, практически одновременно выбросив на рынок сразу два альбома, то становится понятно, что полтора года — это долго. И вот в продажу поступил диск «Похитители книг», состоящий из композиций, написанных группой специально для одноименного фильма Леонида Рыбакова. О своем отношении к кино, музыке и жизни лидер «Мумий Тролля» **Илья Лагутенко** рассказал корреспонденту Газеты **Александру Зайцеву**.

Давайте о фильме. О нем шла речь еще года три тому назад.

А я до сих пор конечный результат так и не видел. Лет пять назад, помню первый раз я встретился с режиссером Леонидом Рыбаковым, и он сказал: «Мне очень нравится ваша музыка, и я хотел бы, чтобы вы написали музыку к фильму, который я снимаю». Я говорю: «Хорошо, много вас таких приходит каждый день, а я хочу сперва прочитать сценарий». Он его мне, конечно, легко отдал, потому что обычно кино, которое выходит на экран, с первоначальным сценарием не имеет ничего общего.

► СТР 15

Фотограф: Максим Коняев / Газета

ДЕВЮ

«Меня тоже жизнь заносила куда угодно, но я ничуть не сожалею об этом: ни о службе в армии, ни о том, что я чечевицу продавал на базаре...»

Илья Лагутенко — Газете

«Я не жалею о том, что на базаре чечевицей торговал»

Илья Лагутенко —
Газете

Илья Лагутенко: «Я нахожусь в атмосфере всеобщей благодарности и радости» Фотограф: Максим Коняев/Газета

«01 СТР
В этом-то и есть режиссерская хитрость. Они вообще все хитрецы. Самые хитрые люди — это кинематографисты. Все такие дные-бедные. Судьба у них такая. Я помню их, они очень хотят сделать кино, поэтому идут на все уловки, чтобы кино в конце концов было сделано. На то время я сказал, что написал бы музыку, если бы мог понять, что ты там снимаешь, а он не мог снимать, потому что не могли найти деньги, как обычно. Только в конце 2002-го Леонид позвонил мне и сказал: ты можешь прийти и посмотреть рабочий материал. Я пришел, посмотрел и был впечатлен настолько, что задумался над тем, что обещал, и решил, что этот человек мне глубоко симпатичен. Для меня было важно настроение. Я увидел, что это принципиально отличается от всего, что сейчас происходит в кинематографе, — это не какая-нибудь там жуткая или печальная история хождения из точки А в точку Б, где всем плохо, все плачут и ничего хорошего не происходит, или бывает такая притянутая за уши гангстерская драма с национальным привкусом. Это не было претензий на всякие там фантазии-шмэнтези. Просто обычное светлое позитивное настроение, ни капли крови, без привязки к месту: ни Москва, ни Питер, ни, может быть, даже Советский Союз. Поставили в студии телевизор, сели, и я начал просматривать какие-то разрозненные бумажки, песни, которые не вошли в предыдущие альбомы, не могли войти в последующий. Юра Цалер, наш гитарист, сидел брэнчал под то, что происходило на экране... Работа была произведена буквально за неделю, и у нас было достаточно материала, чтобы режиссер мог работать над фильмом. Когда он поработал, мы еще раз послушали и подумали, что это, в общем, готовая пластинка «Мумий Тролля». И переработать мы ее не собираемся. Поиманное ситуационное настроение уже больше не повторить. Для нас это совершенно новая ситуация: обычно ты сидишь в студии, работаешь, думаешь, аранжировать там всякий, а тут я принял такое решение, сказал — отрезал: вот это мы сделали и больше трогать не будем. Некий шаг в сторону для «Мумий Тролля».

В этом фильме вы не только поете, и читаете текст за кадром. Да, это был последний штрих. Леня сказал: «А не хочешь ли ты написать текст, который я начитываю в фильме? Так будет лучше, и логически все это свяжется с присутствием группы и песен». И подумал я: сделаю я доброе дело Лене, может быть, сделаю доброе дело для фильма. Опыт оказался интересным, и я подумал, что, когда мне надоест записывать музыку, я пойду начитывать книжки. Оказалось, что драйв примерно тот же самый, но все происходит гораздо быстрее.

Что касается этой пластинки и саундтреков вообще, то я думаю, что есть два основных

подхода: есть музыка к фильму — композитор смотрит его и под этот фильм пишет. А есть другой, некая компиляция: выбирают существующие песни, чтобы фильм оживлять. И у нас скорее второе. Как Тарантино: набрал песенки, и они прекрасно в его фильме живут, и фильм без них уже не воспринимается. У нас то же самое, только эти песни не были собраны у других, а мы собрали, вынули из кармашка свои. Получились песни «МТ» для этого фильма, который без них совершенно не работает, в чем, я считаю, большая заслуга всей пластинки. А она сама по себе чудесно работает, и кто не знает о существовании фильма, тот ее слушает с удовольствием.

Да и пластинка вышла раньше, чем фильм выпускают в прокат. Фильм должен был выйти еще год назад. Поэтому мы сидели и год ждали, когда они будут выпускать фильм, чтобы мы могли выпустить пластинку. А потом ждать уже невозможно было. Уже следующую надо выпускать.

Есть много новых песен? Да, пластинка уже наполовину готова. Но придется теперь опять выжидать время, пока эта выйдет. Куда на голову человеку обрушивать огромное количество музыки? Опять же, музыкальное все это производство, фирмы, все это скучная очень вещь.

А кто был автором идеи «атаки на слушателя», когда в 1997-м буквально через несколько месяцев после альбома «Морская» вышла «Икра»? Тогда была похожая ситуация. Альбом «Морская» был готов осенью 1996-го, только его никто не хотел выпускать. Когда эта пластинка выходила, была уже готова следующая. И звукозаписывающая компания сказала: давай две, быстро чтобы! На самом деле было лишь ждать еще год. Надо было выступать на гастролях с полной программой, чтобы люди приходили уже на знакомые песни, а не на что-то неизвестное.

А потом сразу вышла еще и двойная «Шамора». Ну, это вы преувеличиваете. Это уже почти через год. Год — это нормально. А вообще, по последним тенденциям одной песни людям хватает на год-полтора. Поэтому париться с выпуском этих пластинок... Я до сих пор, видите, мысля категориями семидесятих-восемидесятых. Остались люди, которые мыслят такими категориями. Но это обычно авторы, как мы, авторский коллектив, которые сами сочиняют, сами выпускают, а дело в том, что сейчас ситуация часто другая: один автор, и у него много исполнителей. Конечно, попробуй им всем сочини по альбому каждому! У них там свои заморочки.

Когда вышли ваши первые альбомы, люди заговорили — кто с возмущением, кто с восторгом — о чуть ли не реформе русского языка, которую вы устроили.

Кто-то говорил, что вы издеваетесь над языком, кто-то — что это свежее решение. Но если подумать, то поэзия обринуто, песни Хвостенко... Если знать все это, то становится понятно, что вы в играх с русским языком не одиноки. Люди просто иногда забывают, что бывает вообще, увлекаются другими вещами. Тут недавно мне кто-то говорит: «Вы согласны, что вы худший поэт современности?» Я говорю: «Худший, зато единственный», потому что больше никто не обсуждается, оказывается. В современности существует поэт Лагутенко, а больше нет поэтов. Я думаю: ну как же так, до чего люди дожили? Ясно, что существуют сотни несчастных бедных поэтов, которые пропихивают свое творчество, а их, оказывается, никто не читает, никто даже не знает. Все обсуждают Лагутенко.

И все-таки содержание неожиданных фраз, странных вывертов со временем уменьшилось в ваших песнях. На самом деле я вообще никогда не задумывался, почему я делаю что-то вот так и почему не делаю. Делается как делается, и откуда оно берется, я не знаю. Оно само приходит, само пишется и само запоминается. Я не профессиональный поэт или музыкант, я не учился ни в литературном, ни в музыкальном институте, просто это выходит откуда-то изнутри, и кто его туда внедряет, я не знаю. Наверное, жизнь вокруг. А выплеск своих эмоций я нахожу в том, что сочиняю какие-то строчки, мелодии, а потом их еще и исполняю. И оказалось, что довольно большому количеству людей это нравится, и они готовы ни один и не два раза это слушать, а постоянно, таким образом я себе, видите, придумал карьеру, жизнь. Я могу оплачивать счета за свет и за газ и путешествия на самолетах благодаря тому, что людям это интересно. Меня это очень радует: я занимаюсь только тем, что мне нравится. Я путешествую и сочиняю музыку, песни и стихи. И в принципе мне ничего больше в жизни не нужно.

Лет десять назад вы думали, что так будет? Я всегда хотел этого, но я не верил, что это может случиться. И поэтому я делал какие-то глупые работы, я учился в университетах, работал там-сям. Наверное, это тоже был определенный опыт — общение с людьми, впечатления, и я постепенно определял для себя, что можно, а что нельзя, чего хочется, а чего нет, тогда и понял, что мне хочется именно вот этого: леть, плясать и путешествовать. А мне еще за это благодарны. А я соответственно с благодарностью отношусь к тем людям, которые благодарны мне. В этой атмосфере всеобщей благодарности и радости я и нахожусь. И все, наверное, должны в себе определить однажды: я уверен, что те, кто это определение делают для себя, те и наслаждаются. Условно говоря, если вам нравится брать интервью и писать статьи, делайте это, а если не нравится, делайте что-то другое.

помню. Duran Duran я помню очень хорошо, Spandau Ballet...

Это то, с чего вы начинали? Нет, начинал я, может, чуть-чуть раньше, начинал я с ABBA и Deep Purple. И с Элвиса Пресли, то есть опять же отнюдь не с Led Zeppelin и Beatles. У меня были ABBA, Элвис Пресли и Deep Purple — любимые мною пленочки. Это когда я начинал слушать музыку осознанно. А когда я начинал ее воспроизводить... да, это были восьмидесятые, это была смесь новой романтики и этого пышноволосяного тяжелого рока. В принципе «новая романтика» была интересна мне с музыкальной точки зрения, это было новое звучание, а остальное интересовало именно с точки зрения того, как оно выглядело. Поэтому я считаю, что Kiss — один из самых великих коллективов в истории рок-н-ролла.

Получается, что вам должна быть интересна последняя церемония Brit Awards: Duran Duran наградили за заслуги, а больше всего премий выиграли The Darkness. Ну, жалкая пародия. На Западе, видимо, вообще все так происходит. Те, кто работает, такие ребята, наверно, как и везде... Главное сейчас — найти более или менее неленивых людей, и их сразу можно вытаскивать, потому что они работают, соблюдают все условия, приходят вовремя на концерты, выпускают пластинки. Поощрители выпустить, значит, выпустят. То есть не подводят ожиданий.

Вам не кажутся странными все эти моды вообще — на 60-е, 70-е, 80-е?

Есть даже такая теория, что все повторяется каждые лет двадцать, что ли. Технологии добавляют свое, а в общем все повторяется. Повторяется на нашей памяти, трех поколений, что сейчас живут. Нам есть с чем сравнивать. А дальше уже нам не с чем сравнивать, потому что вся история, она придумывается нами с вами, вот сейчас, сидя здесь. То есть через сто лет люди будут знать нашу жизнь сегодняшнюю не так, как она была на самом деле, а как мы с вами вот сейчас наговорили, придумали. Интерполяция истории — ведь это так называется. Как мы пишем, так все в общем и будет. Или вот как снимают в кино. Мы в своем творчестве, а вы в своем деле — каждый что-нибудь там допридумал, отсбятину, как это называется, как бы нам хотелось, чтобы было. Может быть, кому-то хочется, допустим, чтобы война выглядела кровавее, дом прекраснее, а улица менее снежной. И через сто лет получится, что так оно и было. Я сейчас всем говорю, что я не умею кататься на лыжах потому, что во Владивостоке не было снега. Потому что у нас очень тепло было во все времена. И теперь все стали верить, что да, действительно климат настолько изменился, что десять лет назад во Владивостоке прямо Майями было. Ну, или Монте-Карло какое-нибудь.

Вам в жизни никогда не приходилось делать что-то, чего вы не хотели? Бывает, жизнь заносит куда-то. Меня тоже жизнь заносила куда угодно, но я ничуть не сожалею об этом: ни о службе в армии, ни о том, что я чечевицу продавал на базаре...

Чечевицу на базаре? Вот вы-то хоть знаете, что такое чечевица, а когда я пытался продавать, никто вообще понятия не имел, что такое чечевица.

А как вы продавали: в пачках, вразвес? Контейнерами! (Смеется.)

Что за музыку вы слушаете? Слушаю я по привычке все подряд и в больших количествах. Я спокойно, без агрессивных эмоций, отношусь к музыке, не выделяю для себя явных приоритетов и не собираюсь заниматься обиранием других. Я считаю, что если люди уже пошли по какому-то пути, то, что они делают, уже есть правильно. Мне нравятся какие-то классические группы восьмидесятых, мне нравится много электронной музыки. Я пытался понять: что такое электронная музыка? И понял, что это то, что случится с музыкой завтра. Это музыка будущего. Технологию пришли к нам в дом. Каждый может делать это. Люди делают это без оглядки на какие-то каноны. Это совершенно новый подход к музыке. Песенный жанр — не то, что я называю авторской песней, то есть то, что человек сочиняет и поет (это было, есть и будет), а все это продиссерование — доживает последние годы, потому что крутится на одном месте, все одинаково, и люди просто устают. Тот же рэп — это же в принципе один луп, на котором чтение текста идет. Как бы текст ни был интересен, ты устаешь его воспринимать через год-два. Людям всегда хочется чего-то еще. И электронная музыка приносит это что-то еще. Я сейчас с таким умилением обнаружил, например, что таксист включает техно. Новые бренды, новые имена — это здорово. Знаете, почему я не хочу называть имена? Потому что это институт хип-парадизма: это хорошо, то хорошо. Это вчерашний день, когда исполнителем было мало, а людей было много. Они, чтобы послушать музыку, шли покупать пластинку в магазин, на базар этот несчастный... Я бжал в детстве сто рублей, заработанных за пять месяцев нелегкой работы, отдавая за пластинку. Бред сумасшедшего, если одну пластинку с десятью песнями максимум, да кого бы то ни было! Это не укладывается в голове, а для нас все было нормально. А теперь вот — компьютер, хлоп. Качай себе музыку тоннами, слушай. Что рыдать по тому, что было?

Вся эта мода на 80-е — как вы ее воспринимаете? Мне очень нравится. Потому что мне все это близко. Beatles я не помню, а это уже

И какие воспоминания о службе? Нормально. Вспоминаю с симпатией глубочайшей. Не знаю, конечно, армия разная бывает, и если бы у всех была такая же, как у меня, я бы всем посоветовал. Два года — и мозги прочищает, и действительно дисциплинирует.

Мозги прочищает? Ну, знаете, я на маленьком острове был — три километра в диаметре, нас было пятнадцать-двадцать человек, и вот эта, знаете, пустота, одиночество — все это заставляет тебя придумывать какие-то занятия помимо службы. Книг я много прочитал, раз в неделю почта приходила, вертолет скидывал посылки. Так что нормально было. Я считаю, что восемнадцать-двадцать лет — это возраст, который... эти два года всегда можно нагнать. Потом, конечно, все сложнее. Тридцать... сколько там Ходорковскому, тридцать семь? Вот в эти годы, по-моему, уже будет трудно. Как-то сразу становится много неприятных забот, ответственности перед другими людьми, а в юном возрасте... Тем более, когда это почетная обязанность, долг. Это же тебя не в наказание направляют, а это долг ты исполняешь, делаешь добро своей стране, своим людям, они тебя уважают, ты идешь в форме, красивый, в белой бескозырке, ох, красота!

А правда, что вы Ла-Манш переплывали? Как Байрон? Нет, на яхте. На одной из самых крупных гоночных крейсерских яхт.

Недавно? Года два назад. Ла-Манш оказался трудным таким: течение, волны, непогода. Но что хорошо, его быстро можно перейти: за выходные туда-обратно можно сойти. А я как убежденный ахтмен, в душе...

Еще от Владивостока? Да, владивостокская закладка. В детстве я из одной спортивной секции в другую ходил, и мне говорили: ты должен что-нибудь для себя найти. А я говорил: мне нравится это — паруса и так далее. «Ну это же так опасно! Это ветер, мокро там все». С тех пор я этим занимаюсь, хотя и непрофессионально, но мне это очень нравится. Третье дня заезд на «Русской волне» в Африке на виндсерфинге я делал.

В те дни как раз потерялся Федор Конохов. Вы знаете, у меня к Конохову тоже отношение неоднозначное. Во Владивостоке много моряков, да и сам он, в общем-то, оттуда, и там многие к нему скептически относятся. Говорят, что он теряется, потом находится, а где он был, никто не знает. Он был в одном месте, но моряки говорят, что практически он мог бы быть в другом — где доказательств? Я думаю, что Конохов, он такой коммерческий путешественник. А мы все следим, переживаем. В общем-то, человек тоже нашел свое призвание, делает то, что ему нравится, и благодарен нам за то, что мы интересуемся его судьбой: мог или не мог? Так наша жизнь и сложится: из Конохова... Тут мне вчера сказали, что книжку выпустили — история СССР, учебник, и там написано, что группа «Мумий Тролля» оказала влияние на формирование психологии и вообще мировоззрения молодежи 1990-х нашей страны. Нормально — вот, в учебнике истории уже. В восьмидесятых я читал в учебниках истории одно, а не прошло и двадцати лет, как оказалось, что, путешествуя и сочиняя песни, можно оказывать давление на мировоззрение поколения. Я считаю, план выполнен. Пора не только Ла-Манш переходить, пора идти вокруг света. И не за восемнадцать дней, а так, с расстановочкой, не спеша, чтобы молодежь начала XXI века вздохнула свободно. Ну, или не молодежь... да, без моего присутствия. Еще одну пластинку, я считаю, — и потом пойдем вокруг света.

А в какой стране хотели бы осесть? Я еще во многих не был, но меня влечет Тихий океан. Там много маленьких стран типа Таити, Кирибати, Фиджи. Я там еще ни разу не был, но меня туда тянет. Значит, неспроста.

газета

инопланетный гость

Илья Лагутенко родился 16 октября 1968 года в Москве. В детстве он с семьей переехал во Владивосток, где в начале 1980-х и была основана группа «Мумий Тролля». Лагутенко окончил Дальневосточный государственный университет по специальности «востоковедение и африканистика». Жил в Китае и Англии. В 1996 году при поддержке своего друга Леонида Буракова записал в Лондоне альбом «Морская», который после долгих мытарств был выпущен в России в 1997 году и прославил Лагутенку на весь бывший СССР. Следующий диск «Икра» и вовсе перевернул весь российский рок. С тех пор можно отсчитывать его новую эру. «Мумий Тролля» же продолжает выпускать хорошие альбомы, один романтичнее другого.

Земляки. Да, землячество. В армии, в Красной армии, у нас это называлось землячество. За землячество мы их гоняли! (Смеется.)

Вы на флоте служили? Морская авиация.